

Институт российской истории
Российской Академии наук
Главное архивное управление города Москвы
Центральный архив ФСБ России

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1941 год

Издательство
Главного архивного
Управления города Москвы
Москва 2011

Ленинград в первые месяцы блокады

Кантор Юлия Зороховна ,
доктор исторических наук,
Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена

Стихи Ольги Берггольц, дневник Тани Савичевой, Ленинградская симфония Шостаковича, Пискаревское кладбище, Пулковские высоты, 900 дней и ночей... Этими фактами-символами во многом исчерпывается в коллективной памяти представление о беспрецедентном, бесчеловечном явлении, вошедшем в мировую историю как блокада Ленинграда. С течением времени героизм обречённых на подвиг ленинградцев становится некой абстракцией, обязательной для упоминания лишь «поторжественным дням», а значит, чреватой искажениями и исчезновением из национальной памяти. Правда о блокадной повседневности, о ситуации в городе, в советское время закрытая цензурой, сохранена в документах тех лет – секретных военных сводках и донесениях спецслужб (как советских, так и фашистских), статистических данных, дневниках горожан, в воспоминаниях и в новейшей отечественной историографии. Обращение к теме блокады Ленинграда приобретает особое звучание в год трагического юбилея – 70-летия со дня её начала.

Военные действия

Фашисты по плану «Барбаросса» намеревались «стереть Ленинград с лица земли». «Лишь после обеспечения неотложной задачи, которая должна завершиться захватом Ленинграда и Кронштадта, следует продолжить наступательные операции по овладению важнейшим центром коммуникаций и оборонной промышленности – Москвой»¹. А. Гитлер считал принципиально важным не дать советскому командованию вывести войска из района Ленинграда и использовать их на других участках фронта, а также уничтожить Балтийский флот, получив контроль над северо-западным Балтийским побережьем. Этот город, «имеющий большое символическое значение, надлежит уничтожить», – так напутствовал фюрер командование группы армий «Север» перед наступлением. В беседах с военачальниками фюрер приводил не только военные аргументы: он полагал, что захват Ленинграда принесёт не

только военный выигрыш, но и огромные политические дивиденды. СССР в случае потери Северной столицы лишился бы города, который имел для советского государства особый, символический смысл, будучи «колыбелью трёх революций». Гитлер считал, что «дух славянского народа в результате тяжёлых боёв будет серьёзно подорван, а с падением Ленинграда может наступить катастрофа»².

Предпринимая нападение на СССР, немецко-фашистское руководство придавало исключительно большое значение захвату Ленинграда. Оно планировало ударом группы армий «Север» (командующий генерал-фельдмаршал В. фон Лееб) в составе 4-й танковой группы, 18-й и 16-й армий из Восточной Пруссии в северо-восточном направлении и двух финских армий (Карельской и Юго-Восточной) из юго-восточной части Финляндии в южном и юго-восточном направлениях уничтожить находившиеся в Прибалтике советские войска, овладеть Ленинградом, приобрести наиболее удобные морские и сухопутные коммуникации для снабжения своих войск и выгодный исходный район для удара в тыл войскам Красной армии, прикрывавшим Москву.

На следующий день после начала войны командующий Ленинградским военным округом М.М. Попов отдал распоряжение о начале работ по созданию дополнительного рубежа обороны на псковском направлении, в районе Луги. Только 4 июля 1941 г. Ставка одобрила это распоряжение. Уже 19 июля Лужский рубеж был хорошо подготовлен: построены оборонительные сооружения протяжённостью 175 км при глубине 10–15 километров.

Наступление немецко-фашистских войск непосредственно на Ленинград началось 10 июля 1941 г. с рубежа р. Великая. К этому времени на дальних юго-западных и северо-западных подступах к Ленинграду немецко-фашистское и финское командование имело 38 дивизий (32 пехотные, 3 танковые, 3 моторизованные), 1 кавалерийскую и 2 пехотные бригады, поддерживаемые мощной авиацией. Немецко-фашистским войскам противостояли Северный фронт (командующий генерал-лейтенант М.М. Попов, член Военного совета корпусной комиссар Н.Н.Клементьев) в составе 7-й и 23-й армий (всего 8 дивизий) и Северо-Западный фронт (командующий генерал-майор П.П. Собенников, член Военного совета генерал-лейтенант В.Н. Богаткин) в составе 8-й, 11-й и 27-й армий (31 дивизия и 2 бригады), оборонявшихся на фронте 455 км; в 22 дивизиях потери в личном составе и материальной части составляли свыше 50%³. Для усиления обороны юго-западных подступов к Ленинграду командование Северного фронта 6 июля образовало Лужскую оперативную группу, из состава которой к началу боевых действий прибыли только 2 стрелковые дивизии, 1 дивизия народного ополчения, личный состав двух ленинградских военных училищ, отдельная гор-

нострелковая бригада, особая артиллерийская группа и некоторые др. части. К 10 июля войска группы армий «Север» имели превосходство над советскими войсками Северо-Западного фронта: по пехоте – в 2,4, орудиям – в 4, миномётам – в 5,8, танкам – в 1,2, самолётам – в 9,8 раза⁴. Для координации действий фронтов 10 июля 1941 г. Государственный комитет обороны (ГКО) образовал Северо-Западное направление (главнокомандующий – Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов, член Военного совета секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов, начальник штаба генерал-майор М.В. Захаров), подчинив ему войска Северного и Северо-Западного фронтов, Северный и Краснознамённый Балтийский флоты. Вокруг Ленинграда создавалась система обороны, состоявшая из нескольких поясов. На ближних подступах к Ленинграду в юго-западном и южном направлениях строились Красногвардейский (Гатчинский) и Слуцко-Колпинский укрепленные районы, совершенствовался Карельский укрепленный район. Возводился также пояс оборонительных сооружений по линии Петергоф – Пулково; создавались оборонительные сооружения и внутри Ленинграда.

В течение первых двух недель войны, преодолев в значительной степени хаотичное сопротивление советских войск в Прибалтике, враг вторгся в пределы Ленинградской области. (До 1944 г. в её состав входили Новгородская и Псковская области.) Немецко-фашистские войска 5 июля овладели городом Остров, а 9 июля – Псковом. 10 июля 1941 г. развернулось наступление противника на юго-западных и северных подступах к Ленинграду. Почти одновременно враг нанёс удары на лужском, новгородском и старорусском направлениях, в Эстонии (преимущественно на островах), на петрозаводском и олонецком направлениях.

В последней декаде июля ценой больших потерь противник вышел на рубеж рек Нарва и Луга, где вынужден был перейти к обороне и произвести перегруппировку.

На Карельском перешейке с 31 июля советские войска вели оборонительные бои с наступающими финскими войсками и к 1 сентября остановили их на рубеже государственной границы 1939 г. На олонецком, петрозаводском и свирском направлениях наземные войска при поддержке Ладужской военной флотилии (командующий с августа капитан 1-го ранга, с сентября контр-адмирал Б.В. Хорошхин, с октября 1941 – капитан 1-го ранга В.С. Чероков), ведя с 10 июля упорные бои, к концу сентября остановили противника на рубеже реки Свирь⁵. Германское наступление было приостановлено на несколько недель. Когда намерения нацистов захватить город к августу 1941 г. провалились, А. Гитлер был взбешён и немедленно отправился в штаб группы армий «Север», чтобы лично участвовать в подготовке плана захвата Ленинграда к сентябрю.

С военно-стратегической точки зрения взятие Ленинграда позволило бы Гитлеру высвободить действующие в зоне наступления войска вермахта, входившие в состав 4-й танковой группы, необходимые для успешного осуществления операции «Тайфун» (кодовое название операции по захвату Москвы). Г.К. Жуков, вспоминая события августа – сентября 1941 г., писал: «Для нас потеря Ленинграда была бы серьёзным осложнением всей стратегической обстановки. В случае захвата города врагом и соединения здесь немецких и финских войск нам пришлось бы создавать новый фронт, чтобы оборонять Москву с севера, и израсходовать при этом все стратегические резервы, которые готовились Ставкой для защиты столицы. Кроме того, мы неизбежно потеряли бы мощный Балтийский флот. Для противника взятие Ленинграда означало, что группа армий «Север» и финские войска, действовавшие на Карельском перешейке, легко могли бы соединиться с финско-германскими войсками в районе реки Свирь и перерезать этим наши коммуникации, идущие в Карелию и Мурманск»⁶. В августе развернулись бои на ближних подступах к Ленинграду. С 8 августа противник перешёл в наступление на красногвардейском направлении. 13 августа противник перерезал дорогу Ленинград – Кингисепп. 16 августа, после тяжёлых боёв, Кингисепп был оставлен, к 21 августа противник вышел к Красногвардейскому укрепленному району, пытаясь обойти его и ворваться в Ленинград, но его атаки были отражены. С 22 августа по 7 сентября велись напряжённые бои на ораниенбаумском направлении. Враг был остановлен северо-восточнее Копорья. Боевые действия наземных войск развивались в тесном взаимодействии с Краснознамённым Балтийским флотом (командующий вице-адмирал В.Ф.Трибуц, член Военного совета дивизионный комиссар Н.К. Смирнов) и Ладожской военной флотилией. Кроме поддержки сухопутных войск авиацией и мощной артиллерией, флот решал самостоятельные задачи: защищал подступы к Ленинграду, нарушал коммуникации противника в Балтийском море, вёл борьбу за Моонзундский архипелаг, главную базу флота – Таллин и за полуостров Ханко. В период обороны Ленинграда флот направил на сушу (в бригады морской пехоты, отдельные стрелковые батальоны и др.) свыше 160 тыс. человек личного состава⁷. Дальнобойная артиллерия флота успешно действовала против немецко-фашистских войск. Под Лугой все атаки врага были отражены, что несколько задержало наступление вермахта на этом направлении. На новгородско-чудовском направлении, где противник наносил главный удар, советские войска пытались контратаковать противника, наступавшего на Новгород, но существенных результатов не добились. 19 августа немцы заняли Новгород, а 20 августа – Чудово⁸, перерезав железнодорожную магистраль Ленинград – Москва. За счёт освободившихся войск немецко-фашистское командование усилило группировку, наступавшую

на Ленинград, и перенесло сюда основные усилия авиации группы армий «Север». Создалась опасность окружения Ленинграда. 23 августа Ставка разделила Северный фронт на Карельский (командующий генерал-лейтенант В.А. Фролов, член Военного совета корпусной комиссар А.С. Желтов) и Ленинградский (командующий генерал-лейтенант М.М. Попов, с 5 сентября Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов, с 12 сентября генерал армии Г.К. Жуков, с 10 октября генерал-майор И.И. Федюнинский, с 26 октября генерал-лейтенант М.С. Хозин; член Военного Совета А.А. Жданов). 24 августа 1941 г. ГКО (Государственный Комитет Обороны) принял решение № 752сс «О создании Военного совета обороны гор. Ленинграда и Военного Совета при коменданте Красногвардейского укрепрайона». Обстановка под Ленинградом оставалась чрезвычайно напряжённой, положение усугублялось. Между тем в Ставке по-прежнему с недоверием относились к донесениям из Ленинграда, считая их «паникёрскими». Из записи по прямому проводу члена ГКО генерал-майора А.М. Василевского с командующим Ленинградским фронтом генерал-лейтенантом М.М. Поповым от 28 августа 1941 г.:

«Ваши сегодняшние предложения напоминают шантаж. Вас запугивают командующие армиями. Вы, в свою очередь, решили, видимо, запугивать Ставку всякими ужасами насчёт прорыва, обострения положения и прочее. Конечно, если Вы ничего не будете делать, для того чтобы требовать от своих подчинённых, а быть только статистом, передающим жалобы армий, нам придётся тогда через несколько дней сдать Ленинград. Но Ставка существует не для того, чтобы помыкать шантажистским требованиям и предложениям. Ставка разрешает Вам отвести части с линии Выборга, но Ставка вместе с тем приказывает Вам, чтобы части ни в коем случае не покидали подготовленного рубежа по линии Маннергейма. Ставка запрещает вам оголять Лужскую губу и отдавать её противнику... Ставка т р е б у е т (разрядка в документе. – Ю.К.), чтобы вы, наконец, перестали быть статистом и специалистом по отступлению...»⁹.

29 августа ГКО объединил Главное командование Северо-Западного направления с командованием Ленинградского фронта, а Северо-Западный фронт подчинил непосредственно Ставке Верховного Главного командования.

Враг возобновил наступление крупными силами вдоль шоссе Москва – Ленинград и 30 августа вышел к Неве и перерезал железные дороги, связывающие Ленинград со страной. С 30 августа велись ожесточённые бои в районе Красногвардейска (с 1944 г. Гатчины. – Ю.К.), где немцы понесли большие потери, но продвигались вперёд.

Угроза окружения Ленинграда катастрофически нарастала, во что категорически отказывалась верить Ставка и чему не могли эффективно противодействовать войска Ленинградского фронта.

«Директива Ставки ВГК №001513 Военному совету северо-западного направления о недостатках в военных действиях Ленинградского фронта. 1 сентября 1941 г.

Ставка считает тактику Ленинградского фронта пагубной для фронта. Ленинградский фронт занят только одним – как бы отступить и найти новые рубежи для отступления. Не пора ли кончать с героями отступления? Ставка в последний раз разрешает вам отступить и требует, чтобы Ленинградский фронт набрался духу честно и стойко отстаивать дело обороны Ленинграда. И. Сталин, Б. Шапошников»¹⁰.

С 4 сентября 1941 г. противник начал массированный артиллерийский обстрел города и систематические налёты авиации¹¹. Прорвавшись 8 сентября через станцию Мга на Шлиссельбург, немецко-фашистские войска отрезали Ленинград от суши. Началась блокада.

Выход противника к Красногвардейску и Колпину вынудил советские войска, оборонявшиеся в районе Луги, отступить. 9 сентября немецко-фашистские войска возобновили наступление на Ленинград, нанося главный удар из района западнее Красногвардейска. К этому моменту командующим Ленинградским фронтом был назначен генерал армии Г.К. Жуков¹².

Сосредоточив 8 дивизий (5 пехотных, 2 танковые и 1 моторизованную), противник пытался взять город штурмом. Командование Ленинградского фронта перебросило с Карельского перешейка несколько подразделений, включило в боевые действия спешно сформированные отряды народного ополчения, перевело значительную часть моряков с кораблей на сушу. Бои в районе Красногвардейска продолжались непрерывно 9 суток. К 18 сентября враг был остановлен в Пулкове. На исход оборонительного сражения под Красногвардейском и Колпином оказало влияние начавшееся по указанию Ставки 10 сентября наступление советских войск из района Волхова на Мгу и Синявино, сковавшее значительные силы противника¹³. Одновременно в направлении Синявино – Мга перешли в наступление войска Невской оперативной группы, которые к 26 сентября форсировали Неву и захватили небольшой плацдарм – так называемый Невский пятачок. В середине сентября немецко-фашистские войска вышли к Финскому заливу в районе Стрельны и отрезали находившиеся западнее советские войска, которым благодаря мощной поддержке флота удалось удержать Ораниенбаумский плацдарм, сыгравший затем большую роль в обороне города. Приказ перейти к осаде Ленинграда пришёл в тот момент, когда город, как казалось немцам, мог быть взят одним последним ударом. Решение перейти к осаде Ленинграда, а не брать его штурмом в значительной мере диктовалось позицией финнов. Генерал-фельдмаршал К. Маннергейм, главнокомандующий войсками Финляндии, придерживался принципов «активной оборонительной войны», имел определённые колебания в отношении целесообразности пере-

хода старой финской границы на Карельском перешейке и наступления на Ленинград. Эти «колебания» в значительной степени были «навешаны» позицией Лондона: И.В. Сталин неоднократно ставил вопрос перед союзниками о необходимости оказания на Финляндию соответствующего давления – и оно было оказано: «Мы окажем любое возможное давление на Финляндию, включая немедленное заявление, что объявим ей войну, если она будет продвигаться за старые границы. Мы просим Соединённые Штаты предпринять все необходимые шаги, чтобы повлиять на Финляндию»¹⁴. У союзников были веские основания оказывать это давление: ухудшение положения под Ленинградом в начале сентября вызывало закономерную тревогу в Великобритании. Опасаясь того, что остатки Балтийского флота попадут в руки немцев, английский премьер-министр У. Черчилль просил Сталина уничтожить флот в случае необходимости, предложив выплатить за него компенсацию¹⁵. 8 сентября 1941 г. Военный совет Ленинградского фронта принял постановление «По вопросу о проекте плана затопления кораблей КБФ и судов торгфлота в случае непосредственной угрозы их захвата противником»¹⁶. Позиция Вашингтона и Лондона охладила тех в Хельсинки, кто помышлял о большем, нежели возвращение утраченной в ходе советско-финляндской войны территории.

В директиве гитлеровского командования от 22 сентября 1941 г. «О будущем г. Петербурга» говорилось: «Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населённого пункта. Финляндия точно так же заявила о своей незаинтересованности в дальнейшем существовании города непосредственно у её новой границы... Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты»¹⁷.

20 октября началась Синявинская наступательная операция войск Ленинградского фронта с целью деблокирования города, но завершить операцию не удалось, так как Советское Верховное Главнокомандование было вынуждено перебросить часть войск на тихвинское направление, где противник развернул наступление. 8 ноября врагу удалось захватить Тихвин. Хотя советские войска не допустили прорыва противника к Свири, последняя железная дорога (Тихвин – Волхов), по которой подвозились грузы к Ладожскому озеру, оказалась перерезанной. Город окончательно оказался во вражеском кольце.

Промышленность

До Великой Отечественной войны Ленинград являлся одним из ведущих промышленных центров страны. В нём действовали 333 предприятия союзного и республиканского подчинения, а также большое

количество заводов и фабрик местной промышленности и артелей. На них работало 565 тыс. человек¹⁸.

Для «оказания помощи предприятиям в налаживании производства» в июле 1941 г. при горкоме ВКП(б) была создана комиссия во главе с академиком Н.Н. Семёновым по рассмотрению и реализации запросов обороняющих город частей. В неё вошли академики Б.Г. Галёркин, А.Ф. Иоффе, профессора Я.Б. Зельдович, Ю.Б. Харитон, Н.Н. Миролюбов, А.А. Петров, Д.В. Тищенко, М.А. Шателен и др.

26 августа в город была направлена группа высших должностных лиц страны – ГКО В.М. Молотов, Г.М. Маленков, Н.Г. Кузнецов, А.Н. Косыгин и др. для «рассмотрения и решения, совместно с Военным Советом Главного командования Северо-западного направления и с Военным советом Ленинградского фронта, всех вопросов обороны Ленинграда и эвакуации предприятий и населения Ленинграда». Большая часть этих решений осталась на бумаге – в условиях стремительного наступления вермахта выполнение их было нереальным. Сама хронология их появления говорит о многом – быстро менявшаяся обстановка и её оценка на месте приводили к тому, что по одному вопросу в течение двух-трёх дней принималось несколько решений. Противоречивость и даже конвульсивность действий комиссии ГКО ещё более дезориентировали местное руководство, которое в полном объёме смогло продолжить работу по укреплению обороны по прошествии недели. Однако комиссия ГКО всё же выделила три важнейшие сферы, которые для Ленинграда надолго оставались ключевыми – оптимизация органов военного управления, дальнейшая эвакуация предприятий и населения, обеспечение войск фронта и населения города боеприпасами и продовольствием. Из тех решений, которые имели решающее значение для обороны Ленинграда, следует назвать, во-первых, завершение реформы управления войсками, во-вторых, отмену 28 августа 1941 г. «до особого распоряжения» постановления ГКО, принятого двумя днями раньше, «Об эвакуации Кировского завода, Наркомсредмаша и Ижорского завода»¹⁹, в третьих – разработку комплекса мер по упорядочению распределения оставшегося в Ленинграде продовольствия. В это же время было принято решение о высылке лиц «неблагонадёжных» национальностей, всего, по данным Управления НКВД по Ленинграду и области, к 1 октября 1942 г. было выселено 58 тыс. 210 чел. – финнов и немцев²⁰.

Отмена вышеупомянутого решения об эвакуации крупнейших промышленных предприятий, помимо стремления укрепить оборону города за счёт местных ресурсов, было вызвано объективной реальностью – к концу августа железнодорожное сообщение с Ленинградом было уже практически прервано. Кроме того, важнейшая проблема при подготовке к эвакуации заключалась в отсутствии за-

ранее, до войны, подготовленных планов такого рода мероприятий – организационные мероприятия по вывозу промышленных гигантов проводились в спешке и хаосе. Например, при подготовке к эвакуации оборудования Кировского завода было подано 212 вагонов вместо необходимых 500. План эвакуации «горячих цехов», где работало около 10 тыс. человек, был разработан лишь «вчерне», потому на практике его осуществление столкнулось с непреодолимыми трудностями. Создавшееся положение явилось результатом того, что «в июле – августе высшие органы власти страны приняли ряд постановлений по эвакуации промышленности Ленинграда. Некоторые из них предписывали производить эвакуационные мероприятия в столь короткие сроки, что переезд уже подготовленных для этого предприятий приходилось откладывать “на потом”»²¹. Это «потом» было уже неосуществимо.

Позже, после того как город оказался во вражеском кольце, был разработан «План специальных мероприятий, проводимых во время Отечественной войны по общегородским объектам гор. Ленинграда», включавший в себя мероприятия по уничтожению всех крупнейших промышленных и стратегических объектов Северной столицы в случае угрозы его захвата противником²². Заместитель НКВД СССР В.Н. Меркулов, являвшийся Уполномоченным ГКО по специальным делам, 13 сентября 1941 г. получил от ГКО мандат: «Тов. Меркулову поручается совместно с членом Военного Совета Ленинградского фронта тов. Кузнецовым тщательно проверить дело о подготовке взрыва и уничтожения предприятий, важных сооружений и мостов в Ленинграде на случай вынужденного отхода наших войск из Ленинградского района»²³.

В связи с переподчинением ленинградских предприятий союзного и республиканского значения руководству города и непрофессиональной работой по эвакуации производств к началу блокады в Ленинграде сконцентрировался громадный промышленный потенциал.

На выпуск вооружения и боеприпасов были переориентированы ведущие отрасли промышленности – машиностроительная, электротехническая, оптическая, химическая, лёгкая и пищевая. Заводы «Электросила», «Электроаппарат», «Буревестник» с производства оборудования для электростанций были переключены на выпуск мин. Сталепрокатный и проволочно-канатный заводы вместо выполнения заказов для тракторных предприятий стали выпускать крепёж для танков, ленты для патронов, гранаты и автоматы²⁴. «Севкабель» и «Красная заря» увеличили производство военно-полевых средств связи. Завод резино-технических изделий перешёл на производство аэростатов заграждения, противохимической одежды, резиновой обуви. Вагоностроительному заводу им. И.Е. Егорова, приступившему

к выпуску мин и некоторых видов армейского снаряжения, пришлось изготовить для этой цели несколько десятков специальных станков, большое количество штампов, приспособлений и инструментов. Завод им. Второй пятилетки, производивший в кооперации с Кировским машины для бумажной промышленности, полностью перешёл на производство боеприпасов и узлов для танков КВ. Детали и узлы для танков Кировскому заводу как головному предприятию поставляли Ижорский, Металлический, «Русский дизель» и многие другие заводы. Предприятия, ориентированные на нужды фронта, не только не остановили работу после начала блокады, но и увеличили объёмы производства, расширив спектр выпускаемой продукции. Перевод промышленности на выпуск военной продукции потребовал перестройки производственных линий и дополнительного оборудования. Так, Металлическому заводу пришлось отыскать 500 станков, изготовить несколько тысяч комплектов инструмента и приспособлений, переобучить полторы тысячи рабочих, перепрофилировать инженерно-технический персонал²⁵. Времени на разработку технической документации не было. Поэтому поточные линии по выпуску военной продукции создавались без проектов.

С началом войны все предприятия лёгкой промышленности были переведены на изготовление гранатных и патронных сумок, заплечных мешков, чехлов для фляг, парусиновых плащ-палаток, обмундирования и белья. Несмотря на то что большое число рабочих отвлекалось на строительство оборонительных сооружений (иногда до 50%), труженики предприятий лёгкой промышленности за счёт роста производительности труда и уплотнения рабочего дня полностью выполняли фронтные заказы²⁶. Швейный цех трикотажно-чулочной фабрики «Красное знамя» выпускал бельё для военнослужащих. Менее чем через месяц после начала войны на обувной фабрике «Скороход» был сдан в эксплуатацию цех, производящий армейскую обувь, а на базе механической мастерской изготавливали пулемётные ленты. Промкомбинаты и артели выпускали детали ручных гранат и авиабомб, комбинезоны, маскировочные халаты, рюкзаки, ремни, шапки-ушанки, ватные телогрейки и брюки. Однако в условиях приближения немецких войск к Ленинграду и угрозы его полного окружения крайне необходимой стала массовая эвакуация производственного персонала и населения, оборудования важнейших промышленных предприятий, материалов, полуфабрикатов, технической документации. Выполняя постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. Военный совет Северного фронта 28 июня 1941 г. определил, что эвакуации из Ленинграда в первую очередь подлежат: квалифицированные рабочие, инженеры и служащие, оборудование, станки и машины важнейших предприятий, ценные сырье-

вые ресурсы, цветные металлы²⁷. Перемещение в города Поволжья, Урала, Сибири, Средней Азии авиационных заводов началось в конце июня, оборудования Наркомата вооружения – с 3 июля, а крупнейших машиностроительных, электротехнических, приборостроительных, оптических и смежных с ними предприятий, конструкторских бюро, учебных и научно-исследовательских институтов, военных училищ и академий – с 11 июля. С 13 июля началась эвакуация заводов Наркомата чёрных металлов, предприятий тяжёлого машиностроения: Невского машиностроительного завода, заводов подъёмно-транспортного оборудования, «Русский дизель», «Экономайзер», частично металлического, станкостроительного, «Светланы», «Электросилы» и др.²⁸ Всего к началу сентября 1941 г. из Ленинграда было вывезено 92 предприятия. За период с 29 июня по 27 августа из города выехали 164 тыс. 320 рабочих, ИТР, служащих и членов их семей²⁹. На новых местах заводы размещались таким образом, чтобы между ними осуществлялась широкая производственная кооперация. Так, на базе Челябинского тракторного завода и эвакуированного в Челябинск и Свердловск оборудования ленинградских Кировского, Ижорского, № 174 и Харьковского дизельного заводов было создано одно из наиболее крупных танкостроительных предприятий, получившее в народе название «Танкоград». Уже в конце 1941 г. оно стало посылать на фронт тяжёлые боевые танки КВ³⁰.

Оборона

Ленинградский плакат осени 1941 г.: «Товарищ! Вступай в ряды народного ополчения. Винтовку добудешь в бою». Ополченцы в бой шли, порой не имея стрелкового оружия, а порой не имея оружия как такового. Так, знаменитый Ижорский батальон шёл на фронт, не имея даже и ножей. Пропорция «человеческого материала» и оружия в 1941 г. была таковой: на одну винтовку было 15 ополченцев. В ополчение шли тысячами, в закономерно искреннем порыве защищать родную страну, родной город. Вот типичные заявления добровольцев, хранящиеся в фондах Музея политической истории.

«Военному комиссару Дзержинского района. От Файзуллина М.Х. Заявление. Прошу направить меня добровольцем на фронт. Нельзя оставаться равнодушным и смотреть на зарвавшегося врага так просто. Он коварный и лезет вперёд. А потому прошу не оставлять моей просьбы. Клич вождя и отца товарища Сталина зовёт вперёд. Я не жалею своей жизни за Родину, за Сталина. Пятое июля 1941 года». «В комитет обороны города Ленинграда от Сычёва А.И. Прошу принять меня добровольцем в действующую Красную армию по примеру моих старших братьев. Встану на защиту Родины от проклятых фашистов».

«Германский фашизм вероломно напал на нашу Родину, и я должен быть в действующей Красной армии, как и многие тысячи советских патриотов. 10.07.41». «Прошу принять меня добровольцем в армию народного ополчения. Член ВКП(б) с 1918 года, бывший красный партизан. 14.08.41. Розенблюм»³¹.

В первые же дни войны, к 30 июня 1941 г., в Ленинграде были сформированы три ополченческие бригады. Однако поначалу создание народного ополчения не было разрешено – власти считали, что не нужно сеять панику. Когда же стало ясно, что ситуация критическая, разрешение было получено. Всего в городе было подано около 212 тыс. заявлений о вступлении в народное ополчение, было сформировано 15 дивизий. «Многим добровольцам никогда раньше не приходилось стрелять, учиться стрелять из боевого оружия в большом городе сложно, к тому же курс молодого бойца должны были проходить сразу 100 тыс. человек. Но никакой стрельбы и не было, учились «на сухую», прицеливаясь в какой-нибудь кирпич и щелкая курками»³².

В ополчение шли тысячами – в искреннем порыве защитить отчий дом, свою семью, то, с чем у каждого человека ассоциируется Родина. Шли те, кто не подлежал призыву по возрасту или по состоянию здоровья. «Это в подавляющем большинстве были люди старшего возраста, не годные для службы в армии, не обученные военному делу, и их натаскивали в лучшем случае пару недель (вместо обязательных двух-трёх месяцев), а то и меньше. И бросали в бой... Быстро вооружить такое количество формирований было невозможно. Сколько известно случаев, когда в наспех сформированных маршевых ротах бросали на фронт практически безоружных или не умеющих толком пользоваться оружием людей. Эффективность их участия в боевых действиях была, увы, близкой к нулю, а смертность практически стопроцентной»³³.

В конце сентября 1941 г. формирование народного ополчения на прежних основаниях было прекращено, дивизии, состоящие из ополченцев, были преобразованы в кадровые.

На оборонных работах, организованных в городе к концу июня, были заняты в подавляющем большинстве женщины, подростки и старики (мужчины ушли на фронт). В строительстве оборонительных сооружений под Ленинградом работали более 475 тыс. человек. Было вырыто 626 км противотанковых рвов, сооружено 15 тыс. дотов и дзотов. В самом Ленинграде на 110 узлах обороны было построено 25 км баррикад, 570 артиллерийских дотов, около 3 тыс. 600 пулемётных дотов³⁴.

В Центральном архиве ФСБ России находится сообщение разведывательного отдела штаба 18-й армии вермахта, входившей в группу армий «Север», от 30 сентября 1941 г. «Об обстановке в Ленинграде», добытое контрразведчиками Ленинградского фронта (18-я армия под

командованием генерал-полковника Г. Линдемана имела в своём составе почти 26 дивизий и действовала в полосе протяжённостью до 450 км от Балтийского моря до озера Ильмень).

«Штаб 18-й армии. Развед. отдел 30.9.41. Совпадающие показания трех проверенных агентов рисуют следующую картину положения в Ленинграде. Оборонительные мероприятия. Рабочие на предприятиях, как это уже известно, обучаются владеть оружием... В городе размещено много войск. Войска вооружены, главным образом, старым оружием периода мировой войны, что, прежде всего, относится к пулемётам и винтовкам. ...Во многих местах города, где раньше были газетные киоски, построены ДЗОТы, из которых можно держать под обстрелом улицы и перекрёстки. Строительство этих ДЗОТов началось 5.9.41 г. Вновь подтверждаются подготовительные работы к строительству баррикад. Разное. На улицах города развешаны многочисленные красочные плакаты, изображающие мужчин с винтовками и содержащие следующий текст: "Мужья и сыновья, защищайте Отечество до последней капли крови"»³⁵.

В первые недели блокады положение со снарядами, минами, порохом и взрывчаткой оказалось едва ли не хуже, чем с хлебом и мукой. В дни ожесточённых сентябрьских боёв наши войска израсходовали почти всё, что у них имелось. В городе не хватало сырья для производства чугуна, сортовой и листовой стали, железа и других металлов. К заготовке лома и отходов цветных металлов было привлечено население. В каждом домохозяйстве и учреждении были выделены ответственные за сбор и приёмку цветных металлов, установлены места их хранения до момента сдачи заготовительным организациям. Не хватало не только металла, но и тротила. На подвоз его надежды не было, а наладить производство в городе не представлялось возможным. Группа учёных под руководством профессора А.Н. Кузнецова заменила тротил аммониевой селитрой, смешанной с кремнеалюминиевым компонентом. Сплав «П» под названием «синал» стал основным видом блокадной взрывчатки³⁶. Им заряжались снаряды, ручные гранаты и мины. Производство синала в короткое время было организовано на Невском химкомбинате. В порядке кооперации с ним сотрудничали заводы «Автоген», Кирпичный № 1, Горный и Аллюминиево-магниевого институты. Интендантом 1-го ранга Чернышёвым был создан заменитель пороха. Для производства боеприпасов, которое было организовано на 14-ти предприятиях, использовали и взрывчатку, извлекавшуюся из неразорвавшихся немецких бомб³⁷.

В сложнейших условиях осени 1941 г. было изготовлено 39 реактивных миномётных установок, на базе которых на Ленинградском фронте был сформирован реактивный миномётный полк. Несмотря на возраставшие трудности, во втором полугодии 1941 г. предприятия

города произвели 713 танков, 480 бронемашин, 58 бронепоездов, свыше 5 тыс. полковых и противотанковых пушек, около 10 тыс. миномётов, свыше 3 млн снарядов и мин, более 80 тыс. реактивных снарядов и бомб³⁸. Выпуск боеприпасов во втором полугодии 1941 г. увеличился по сравнению с первым в 10 раз. За этот же период было достроено 84 корабля разных классов и переоборудовано 186³⁹.

По указанию ГКО 50% изготовленной в Ленинграде военной продукции направлялось на другие участки советско-германского фронта. Командовавший к этому времени защищавшим Москву Западным фронтом генерал армии Г.К. Жуков 2 ноября 1941 г. обратился с личным письмом к А.А. Жданову и второму секретарю Ленинградского горкома партии А.А. Кузнецову, являвшимся членами Военного совета Ленинградского фронта. В нём он просил направить в его распоряжение самолётами 40 миномётов 82 мм и 60 миномётов 55 мм калибра⁴⁰. Из города вывозились танковые пушки, радиостанции, электрооборудование для самолётов, авиаприборы. Только в четвёртом квартале 1941 г. воздушным путём ленинградцы отправили войскам, оборонявшим Москву, более тысячи полковых пушек и миномётов, значительное количество автоматов и других видов оружия.

В связи с оккупацией в конце августа – начале сентября немецкими войсками части Ленинградской области все гидроэлектростанции (Волховская, Дубровская, Свирская, Раухильская) оказались или на территории, занятой врагом, или отрезанными от города. Это сократило количество электроэнергии, поступавшей в город, до 39% от июньского уровня. Имевшиеся запасы топлива не пополнялись и с трудом обеспечивали работу электростанций, находившихся в черте города⁴¹. Если среднемесячное поступление условного топлива в первом полугодии составило 133,3 тыс. т, то в декабре – только 46 тыс. т⁴². Это привело к падению производства электроэнергии со 120 млн кВтч в сентябре до 50,1 млн кВтч в декабре 1941 г., когда все электростанции, кроме двух, были законсервированы. В начале 1942 г. на ходу оставалась лишь одна электростанция, работавшая на торфе. В связи с сокращением поставок условного топлива до 16,5 тыс. т в январе и до 15,5 тыс. т в феврале, производство электроэнергии в январе упало до 13,07 млн кВтч. В феврале, когда были полностью исчерпаны запасы угля, этот показатель снизился до 7,48 млн кВтч⁴³. Крупнейшие оборонные предприятия города вынуждены были остановить производство уже в декабре. В литейном цехе Кировского завода это случилось 20 декабря, когда шла разливка стали по формам для снарядов⁴⁴. Зимой 1941/42 г. было законсервировано 270 фабрик и заводов. Из 68 ведущих предприятий оборонной, судостроительной и машиностроительной промышленности действовало лишь 18, да и то не на полную мощность⁴⁵.

Чтобы сократить расходы электроэнергии, в декабре пришлось остановить городской транспорт. Теперь ленинградцы на работу и с работы добирались пешком. Изнурительные переходы выматывали последние силы. Спад промышленного производства пришёлся на декабрь 1941 г. и продолжался до весны 1942 г. Однако, несмотря на истощение, холод, отсутствие электроэнергии и невзирая на бомбёжки и обстрелы, рабочие продолжали трудиться над выполнением фронтowych заказов. Так, Кировский завод ремонтировал танки. Миномётное вооружение производилось на заводах им. Макса Гельца, им. Энгельса, им. Второй пятилетки, им. Карла Маркса, «Вулкан», «Госметр». Непрерывно шёл ремонт боевой техники. Только с 15 декабря 1941 г. по 15 марта 1942 г. было отремонтировано 53 танка, 43 артиллерийских орудия, 37 самолётов, 700 оптических приборов, большое количество миномётов и стрелкового оружия⁴⁶. Основное же внимание обращалось на выпуск новой продукции. За тот же период было изготовлено и передано фронту 88 полковых пушек, 2 тыс. 657 автоматов, 479 миномётов, 95 тыс. корпусов снарядов и мин, снаряжено 256 тыс. выстрелов снарядов и мин, произведено 435 тыс. взрывателей, 29 млн капсулей⁴⁷.

Уже в 1942 г. промышленность Ленинграда освоила производство более 50 новых видов вооружения и боеприпасов, выпустила свыше 3 млн снарядов и мин, около 40 тыс. авиабомб, 1260 тыс. ручных гранат. Тогда же на фронт было отправлено 713 танков, 480 бронемашин, 58 бронепоездов, выпущенных в блокадном городе⁴⁸. Представить себе, что к станкам встанут не только женщины, но и дети, умирающие от голода, но не покорившиеся, фашисты не могли.

Из циркуляра командующего группой армий «Висла», рейхсфюрера СС Г. Гимmlера: «Секретно. Настоящим посылаю для изучения материалы по обороне Ленинграда большевиками. Пусть каждый узнает, с каким грубым, холодным, как лёд, противником мы имеем дело. С ним нельзя договориться, не помогут и никакие жалобы.

Вклад населения. Обязанностью каждого жителя города было выполнение только таких работ, которые стояли в непосредственной связи с обороной города, с тем чтобы отбросить врага, или просто работ, связанных с ведением войны. Жители обучались военному делу, рыли окопы и работали на промышленных оборонных предприятиях. Воля к сопротивлению населения не была сломлена. Проведение оборонных мероприятий было всеобщим. Эти мероприятия проводились полностью даже при бесчисленных атаках немецких войск. Пригородные районы и сам город перерезали противотанковые рвы и система окопов. Каждый дом был превращён в крепость, подвальные помещения связаны в линии обороны. Ненависть населения стала важнейшим мотором обороны»⁴⁹.

Продовольственная проблема

На 21 июня 1941 г. на ленинградских складах имелось муки, включая зерно, предназначенное для экспорта, на 52 дня, крупы – на 89 дней, мяса – на 38 дней, масла животного – на 47 дней, масла растительного – на 29 дней. До начала блокады в город успели доставить свыше 60 тыс. т зерна, муки и крупы из Ярославской и Калининской областей, около 24 тыс. т зерна и муки из портов Латвии и Эстонии⁵⁰. Ещё до начала блокады, в конце июня 1941 г., Управление НКВД по Ленинградской области провело обследование состояния НЗ продовольствия. В донесении под грифом «совершенно секретно» управление сообщало, что «кладовые не пригодны для хранения продуктов, не соблюдаются требования санитарного надзора, неприкосновенный запас подвергнут порче. Из-за течи воды с потолка подмочены мешки с сухофруктами, сливочное масло покрыто плесенью, рис и горох заражены клещом, мешки с сухарями разорваны крысами, покрыты пылью и помётом грызунов»⁵¹. Никаких мер по сохранению НЗ принято не было.

В осаждённом городе осталось 2 млн 544 тыс. гражданского населения, в том числе свыше 100 тыс. беженцев из Прибалтики, Карелии и Ленинградской области. Вместе с жителями пригородных районов в блокадном кольце оказалось 2 млн 887 тыс. человек. Принятое же в конце августа постановление Комиссии ГКО (см. предыдущий раздел) о необходимости создания к 1 октября 1941 г. полуторамесячного запаса продовольствия было заведомо невыполнимым⁵². Практическое значение имело лишь решение прекратить коммерческую торговлю продуктами питания, нормировать отпуск чая, яиц, соли, мыла: ещё в июле спрос на эти продукты достиг 500% от довоенного уровня, и к августу уже ощущалась их острая нехватка.

Поначалу в городе не было паники, об эвакуации никто не задумывался, война воспринималась как некая аналогия с недавней, советско-финляндской, память о которой в Ленинграде ещё была совсем свежей. Любопытное свидетельство настроений: окна заклеивали бумажными лентами, чтобы не разбивались от вибрации воздуха во время бомбёжек, не диагональным перекрестьем, а размещая ленты под прямым углом. «Цепко держалась иллюзия (причём одновременно с ожиданием самого худшего), что скоро каким-то чудесным образом «всё станет на место». Психологическое состояние неожиданности растянулось на месяцы. Хотя, казалось бы, это состояние моментальное. Неожиданность – длилась»⁵³.

Характерно, что в Ставку Верховного Главнокомандования о том, что Ленинград взят в кольцо блокады, не докладывали почти две недели, надеясь, что советские войска скоро прорвут кольцо и можно будет доложить верховному главнокомандующему И.В. Сталину об «успешном

дезавуировании фашистской провокации». Пока шли попытки деблокировать город, Военный Совет Ленинградского фронта не решался объявить его на осадном положении. Разумеется, о блокаде не сообщалось и населению⁵⁴. Более того, 13 сентября, пять дней спустя после того, как кольцо вокруг города окончательно замкнулось, газета «Ленинградская правда» опубликовала сообщение ТАСС, в котором заместитель наркома иностранных дел, заместитель начальника Совинформбюро С.А. Лозовский заявил: «Утверждение немцев, что им удалось перерезать все железные дороги, связывающие Ленинград с Советским Союзом, является обычным для немецкого командования преувеличением»⁵⁵.

Но подобным сообщениям население уже не верило. О. Берггольц записала в этот день в дневнике: «Жалкие хлопоты власти и партии, за которые мучительно стыдно... Как же довели до того, что Ленинград осаждён, Киев осаждён, Одесса осаждена. Ведь немцы всё идут и идут... Артиллерия садит непрерывно... Не знаю, чего во мне больше – ненависти к немцам или раздражения, бешеного, щемящего, смешанного с дикой жалостью, – к нашему правительству... Это называлось: «Мы готовы к войне». О сволочи, авантюристы, безжалостные сволочи!»⁵⁶ 8 сентября на город было сброшено 6327 зажигательных и 48 фугасных бомб, в результате чего возникло 183 пожара. Самый большой пожар в этот день возник на продовольственных складах им. А.Е. Бадаева, где сгорела значительная часть имевшегося в городе продовольствия. (Значительная, но отнюдь не вся, как впоследствии утверждалось партийным руководством, таким образом объяснявшим причины катастрофы с продовольствием.) На Бадаевских складах сгорело около 40 помещений, в которых находилось 3 тыс. тонн муки и 2,5 тыс. тонн сахара (запасы города на 1–3 дня, по действовавшим нормам)⁵⁷. До 1 тыс. тонн горелой муки и до 900 тонн горелого сахара в дальнейшем были переработаны пищевыми предприятиями. В сознании ленинградцев пожар на Бадаевских складах стал символом начала голода 1941/42 г., однако версия о том, что именно этот пожар был главной причиной бедствий осени–зимы 1941/42 г., не соответствует действительности, так как запасов продовольствия в них было на несколько дней.

Бадаевские склады были единственным хранилищем продовольствия для города с населением почти два с половиной миллиона человек, что являлось грубейшим нарушением. Запасы продовольствия после пожара на Бадаевских складах были рассредоточены по всему городу. Была ликвидирована коммерческая торговля. Для выпечки хлеба стали использовать все сырьевые ресурсы, которые можно было смешивать с мукой. С 6 сентября хлеб выпекался с примесями ячменной и овсяной муки, а затем с примесями отрубей, соевой муки и жмыхов, что резко снизило питательные качества хлеба⁵⁸.

30 августа ГКО принял постановление «О транспортировке грузов для Ленинграда», которое предусматривало доставку в город продовольствия, вооружения, боеприпасов и горючего водным путём через Ладожское озеро. Было принято также решение о снижении хлебных норм в Ленинграде. Со 2 сентября рабочие и инженерно-технические работники получали 600 г, служащие — 400 г, безработные и дети — 300 г хлеба. 8 сентября ГКО направил в Ленинград наркома торговли РСФСР Д.В. Павлова своим уполномоченным по вопросам продовольственного снабжения.

Положение становилось всё более напряжённым, и 11 сентября пришлось вторично снизить нормы выдачи продовольствия ленинградцам: хлеба — до 500 г для рабочих и инженерно-технических работников, до 300 г — для служащих и детей, до 250 г — для безработных; были также снижены нормы выдачи крупы и мяса. Проведённый 10 и 11 сентября вторичный учёт продуктов питания показал, что для обеспечения войск и населения по новым установленным карточным нормам в Ленинграде имелись запасы зерна, муки и сухарей на 35 дней, крупы и макарон — на 30 суток, мяса и мясопродуктов — на 33 дня, жиров — на 45 суток, сахара и кондитерских изделий — на 60 суток⁵⁹.

На 9 ноября 1941 г. в самом Ленинграде имелось муки на 7 дней, крупы — на 8 дней, жиров — на 14 дней; большая же часть запасов находилась за Ладожским озером, которое к этому времени ещё не замерзло. Это обстоятельство вынудило руководство обороны города в четвёртый раз снизить нормы выдачи продовольствия населению. С 13 ноября рабочие получали 300 г, а остальное население — 150 г хлеба. Через неделю, чтобы не прекратить выдачу хлеба совсем, Военный совет Ленинградского фронта был вынужден принять решение о сокращении и без того голодных норм. С 20 ноября ленинградцы стали получать самую низкую норму хлеба за всё время блокады — 250 г по рабочей карточке и 125 г по служащей и детской⁶⁰. Если учесть, что рабочие карточки в ноябре — декабре 1941 г. получала только третья часть населения, то мизерность этих норм станет очевидной. Из воспоминаний Г. Канаевой, работавшей в блокаду технологом на хлебокомбинате: «Мы растягивали запасы муки как могли — клали всего 40%. Остальное — примеси: жмых, целлюлоза, овсянка, солод. Изощрялись до того, что вымачивали пустые мешки и осадок добавляли в хлебную массу»⁶¹. В хранящихся в Музее политической истории России подлинных лепешках из жмыха не заводятся даже мучные жучки — эта блокадная еда не съедобна. Для рабочих и служащих стратегически важных предприятий города были открыты лечебные стационары, где они, сдав свои продовольственные карточки (!), в течение 8–10 дней получали трёхразовое питание. В январе 1942 г. в условиях почти полной остановки Кировского

завода начальники цехов и отделов имели право давать нуждавшимся и истощённым работникам длительные и кратковременные отпуска за свой счёт. За исключением лиц, переведённых на казарменное положение, все работники могли являться на завод 1 раз в 2–3 дня⁶². На хозяйственных работах были установлены пониженные нормы. Зима 1941/42 г. была страшно суровой: температура воздуха колебалась в декабре – феврале от минус 20 до минус 32 градусов, в квартирах, даже обогреваемых «буржуйками», зимой она редко была плюсовой. Электричество было отключено, канализация не работала уже с декабря 1941 г.

Городское и областное руководство продовольственную проблему на личном опыте не испытывало: «В правительственной столовой (Смольного. – Ю.К.) было абсолютно всё, без ограничений, как в Кремле. Фрукты, овощи, икра, пирожные. Молоко и яйца доставляли из подсобного хозяйства во Всеволожском районе. Пекарня выпекала разные торты и булочки»⁶³, – вспоминал Г. Петров, сотрудник столовой Смольного.

В этом контексте абсолютно логичным выглядит телеграмма главы Ленинградского обкома А.А. Жданова в Москву с требованием «прекратить посылку индивидуальных подарков организациями в Ленинград... это вызывает нехорошие настроения»⁶⁴. Более того, в Москве, в частности, в партийно-номенклатурном руководстве Союза писателей, сложилось мнение, что «ленинградцы сами возражают против этих посылок»⁶⁵. О.Ф. Берггольц по этому поводу воскликнула в дневнике: «Это Жданов – “ленинградцы”?!»⁶⁶.

Одним из самых страшных свидетельств блокады являются детские впечатления. В музее Политической истории есть подборка детских воспоминаний и писем, ранее находившаяся в спецхране. «Однажды ночью я проснулась. Было очень тихо. Мама лежала рядом, такая молчаливая, страшная. “Мама”, – позвала я. Она не откликнулась. Я закричала. Я протянула руку, а она уже холодная. Я никому ничего не сказала, так и пролежала до самого утра. Что было дальше, я не помню, я сильно заболела сама. Меня устроили сюда. Здесь мне хорошо, но я ещё почти не могу ходить. Рита Гельман», – записано воспитательницей детдома 25 марта 1942 г. Ещё одно воспоминание: «К весне папа и мама стали болеть. Им становилось всё хуже и хуже. Вскоре умер папа, через несколько дней – мама. Я жила целый месяц одна в своей комнате. Было тяжело на иждивенческие карточки. Я голодала, опухла». «Чего я только не поел за эти два месяца – декабрь и январь. Ел не только дуранду (жмых. – Ю.К.), которая считалась лакомством, но и другие вещи вроде столярного клея». «Дорогая Татьяна Александровна! Пишет вам бывший воспитанник Васильев Максим. О том, что убили папу, я

говорил вам ещё в школе, в декабре 41-го. Потом заболела мама и слег Жоржик. Я тоже всё больше лежал, но оказался сильнее их. Ходил за хлебом, жёг мебель и изредка топил печку. Маме всё делалось хуже, и она умерла. Мне было почти всё равно... Очень пугало, как я увезу её, когда у меня совсем нет сил. Всё-таки увязал её в одеяло и повёз. Когда вернулся с кладбища, то увидел, что за это время Жоржик тоже умер. Отвёз и его...»⁶⁷

«Социологический срез» высказываний, отправленный для ознакомления наркомму внутренних дел Л.П. Берия 13 марта 1942 г.: «Наше правительство и ленинградские руководители бросили на произвол судьбы. Люди умирают как мухи, а мер против этого никто не принимает». В той же сводке, где приведены наиболее типичные примеры высказываний горожан, комментарий: «Среди населения имеют место отрицательные настроения»⁶⁸. Эти настроения имели под собой более чем ощутимую почву. Из справки Управления НКВД по Ленинградской области о смертности населения по состоянию на 25 декабря 1941 г.: «Если в довоенный период в городе в среднем ежемесячно умирало до 3500 чел., то за последние месяцы смертность составляет:

в октябре – 6199 чел.,

в ноябре – 9183 чел.,

за 25 дней декабря – 39 073 чел.

В течение декабря смертность возрастала:

С 1 по 10 декабря умерло – 9541 чел.,

С 11 по 20 декабря – 18 447 чел.,

С 21 по 25 декабря умерло – 11 085 чел.»⁶⁹

В городском руководстве шла совсем другая жизнь. «Был у Жданова по делам водоснабжения, вспоминал инженер М. – Еле пришел, шатался от голода... Если бы я увидел там много хлеба и даже колбасу, я бы не удивился. Но там в вазе лежали пирожные»⁷⁰.

Подобного рода роскошь была привилегией отнюдь не только партийной верхушки, она была доступна представителям и более низких ступеней партийной номенклатуры. Приведём фрагмент (запись от 9 декабря 1941 г.) дневников сотрудника Смольного, инструктора отдела кадров горкома ВКП(б) Н. Рибковского: «С питанием теперь особой нужды не чувствую. Утром завтрак – макароны или лапша, или каша с маслом и два стакана сладкого чая. Днём обед – первое щи или суп, второе мясное каждый день. Вчера, например, я скушал на первое зелёные щи со сметаной, второе – котлету с вермишелью, а сегодня на первое суп с вермишелью, второе свинина с тушёной капустой»⁷¹.

Весной 1942 г. Рибковский был отправлен «для поправки здоровья» в партийный санаторий, где продолжил вести дневник. Проци-

тируем ещё один отрывок (запись от 5 марта), являющийся ценным документом не только благодаря содержащейся в нём фактической информации, но и как образец полной атрофии совести: «Вот уже три дня я в стационаре горкома партии. Это семидневный дом отдыха в Мельничном Ручье (курортная окраина города. – Ю.К.). С мороза, несколько усталый, вваливаешься в дом, с тёплыми уютными комнатами, блаженно вытягиваешь ноги... Питание здесь словно в мирное время в хорошем доме отдыха: разнообразное, высококачественное, вкусное. Каждый день мясное – баранина, ветчина, кура, гусь, индюшка, колбаса; рыбное – лещ, салака, корюшка, и жареная, и отварная, и заливная. Икра, балык, сыр, пирожки, какао, кофе, чай, 300 грамм белого и столько же чёрного хлеба на день... и ко всему этому по 50 грамм виноградного вина, хорошего портвейна к обеду и ужину... Я и ещё двое товарищей получаем дополнительный завтрак: пару бутербродов или булочку и стакан сладкого чая... Война почти не чувствуется. О ней напоминает лишь громохание орудий. Да. Такой отдых в условиях фронта, длительной блокады города, возможен лишь у большевиков, лишь при Советской власти. Едим, пьём, гуляем или просто бездельничаем, слушая патефон, обмениваясь шутками. Одним словом, отдыхаем! И всего уплатив за путёвки 50 рублей»⁷².

С начала декабря 1941 г. по 15 февраля 1942 г. в голодающем Ленинграде за каннибализм было привлечено к уголовной ответственности 856 человек⁷³. Из доклада СД об обстановке в Ленинграде весной 1942 г., перехваченного советской контрразведкой и ныне хранящегося в Центральном архиве ФСБ: «Штаб корпуса Л.А.К. (50-й армейский корпус). Отделение 1-с. Из доклада СД о Ленинграде сообщается следующее: ...Продовольственное положение. В первые дни февраля смертность достигала 20 000 человек в день – это абсолютное большинство. Тогда в течение трёх дней была совершенно приостановлена выдача хлеба, так как временами совершенно отсутствовало снабжение водой и поэтому не могли работать булочные. На базаре нужно быть очень осторожным, чтобы не быть обманутым, например, вместо мяса можно купить лошадиный навоз, искусно запечённый в панировочных сухарях»⁷⁴.

Смертность

В домах и на улицах лежали тысячи незахороненных трупов. Жители были не в состоянии даже отправить их в морги. С ноября 1941 г. бойцы МПВО стали собирать трупы на улицах, а позднее вместе с дружинницами Красного Креста стали с этой целью обходить квартиры. Подходы к кладбищам были завалены трупами, завёрнутыми в простыни. Мёртвых

стали хоронить в братских могилах, которые отрывались экскаваторами и при помощи взрывчатки. В дни первой блокадной зимы захоронением погибших от голода ежедневно занимались около 4 тыс. бойцов МПВО, подрывников, рабочих фабрик и заводов. За первый год блокады на ленинградских кладбищах было открыто 662 братские могилы⁷⁵.

«К сожалению, в городе нет организации, которая могла бы назвать точную цифру умерших в городе Ленинграде людей за период с 1 декабря 1941 г. по 1 июня 1942 г. Это объясняется тем, что по неточным данным произведённых кладбищами захоронений, последние в декабре 1941 г. по отношению к ноябрю выросли на 247%, в январе 1942 г. по отношению к декабрю – на 408% с лишним, в феврале по отношению к январю на 108% с лишним... никто никогда не мог мыслить о чём-либо подобном»⁷⁶, – сообщало в 1943 г. городское управление предприятий коммунального обслуживания о работе с июня 1941 г. по июнь 1942 г. в разделе «Похоронное дело». Авторы документа констатируют, что «в органы ЗАГСа за оформлением смертей ходила незначительная часть населения... в связи с дальнейшим ростом смертности и ослаблением живых, количество желающих оформить в ЗАГСах и своими силами захоронить умершего падало, а подбрасывание покойников возрастало... Возможен был только учёт на кладбищах, но работники были заняты в первую очередь тем, чтобы быстрее захоронить поступающих покойников, поэтому кладбища не имеют точного учёта захороненных.

По данным кладбищ города, далеко не точным, ими за период с 1 июля 1941 г. по 1 июля 1942 г. захоронено 1 093 695 покойников»⁷⁷. Точный учёт умерших не вёлся до 1943 г., разрозненные сведения не сводились воедино. Впервые данные о количестве погибших (названные «точными») появились в книге бывшего уполномоченного ГКО по продовольствию в Ленинграде Д.В. Павлова: 641 тыс. 803 человек. В действительности это число погибших от голода с ноября 1941 г. по октябрь 1942 г.⁷⁸. Согласно же современным данным, число жертв блокады – от одного миллиона двухсот тысяч до полутора миллионов человек⁷⁹.

«Трупы лежат штабелями, целые улицы и переулки из штабелей трупов. Между этими штабелями ездят грузовики с трупами же, ездят прямо по свалившимся сверху мертвецам, и кости их хрустят под колёсами грузовиков»⁸⁰. Только на Пискаревском кладбище, ставшем самым крупным в Европе захоронением жертв войны, было погребено 420 тыс. ленинградцев. (Сохранившаяся фрагментарная статистка даёт представление о масштабах трагедии – 15 февраля 1942 г. доставлено 8 тыс. 452 умерших, 19 февраля – 5 тыс. 569, 20 февраля – 10 тыс. 43 81.) Поимённый учёт захоронений не вёлся до мая 1942 г. Увы, выбитая на граните мемориала Пискаревского кладбища строка стихотворения О.Ф. Берггольц – «Никто не забыт и ничто не забыто» – и 70 лет спустя

после начала фашистской блокады северной столицы России остаётся в значительной мере лишь призывом, но не реальностью. Хотя голод оставался основной причиной смерти населения, гибли и от бомбёжек и обстрелов. С 4 сентября по 30 ноября 1941 г. город обстреливался 272 раза общей продолжительностью 430 часов. Иногда население оставалось в бомбоубежищах почти сутки. (15 сентября 1941 г. Обстрел длился 18 часов 32 минуты, 17 сентября — 18 часов 33 минуты⁸².) 6 сентября немецкие самолёты, прорвавшись к Ленинграду, подвергли массированной бомбардировке промышленные предприятия и жилые кварталы. 9 сентября, когда немецкая авиация снова бомбила Ленинград, в борьбе с последствиями налётов и обстрелов, не считая пожарных команд города, участвовало 16 тыс. 540 бойцов объектовых и участковых команд МПВО, 1 тыс. 500 бойцов аварийно-восстановительных подразделений, 1 тыс. 850 бойцов дружин Красного Креста, 70 санитарных и 103 пожарные машины. С этого времени воздушные налёты повторялись каждую ночь.

В течение сентября, октября и ноября на город было совершено около 100 налётов и сброшено 64 тыс. 930 зажигательных и 3 тыс. 55 фугасных бомб. Всего же за время блокады на Ленинград было сброшено 102 тыс. 520 зажигательных и 4 тыс. 653 фугасные бомбы⁸³, из чего видно, что наиболее интенсивные бомбардировки противник совершал в первые месяцы осады. Немецко-фашистское командование пыталось сломить сопротивление защитников Ленинграда бомбардировками с воздуха и обстрелом тяжёлой артиллерией. В сентябре – ноябре 1941 г. на город было сброшено 64 тыс. 930 зажигательных и 3 тыс. 55 фугасных авиабомб и выпущено (сентябрь – декабрь) 30 тыс. 154 артиллерийских снаряда. За время войны от бомбёжек погибло более 25 тыс. человек⁸⁴.

Во 2-й половине ноября была проложена автомобильная дорога по льду Ладожского озера, знаменитая «Дорога жизни», по которой подвозились боеприпасы, вооружение, продовольствие, медикаменты, топливо, а из Ленинграда эвакуировались больные, раненые, нетрудоспособные (в ноябре 1941 г. – апреле 1942 г. было эвакуировано 550 тыс. человек)⁸⁵.

С 24 января 1942 г. ленинградцы стали получать 400 г хлеба на рабочую карточку, 300 г – для служащих и 250 г – по детской. 11 февраля 1942 г. была объявлена третья по счёту прибавка продовольствия для населения: рабочим и ИТР — 500 г хлеба (рабочим горячих цехов – 700 г), служащим – 400 г, по детским карточкам – 300 г. Были увеличены нормы снабжения и другими продуктами питания. Норма выдачи крупы и макарон достигла того уровня, который был в начале введения карточной системы⁸⁶. Весной 1942 г. ленинградцы с радостью собирали траву на городских газонах. Заготовку и переработку травы вёл фасовочно-пищевой

комбинат. Были созданы пункты по приёму растений. Сборщикам выдавали дополнительные карточки на хлеб за не менее чем 25 кг травы. Траву продавали в Елисеевском магазине на Невском проспекте. Ленинградский Ботанический институт выпустил брошюру с перечнем съедобных растений, которые можно было найти в городских парках и садах, и рецептов блюд из них – например, салат из одуванчиков, суп из крапивы, запеканка из сныти. Из одуванчиков ещё варили «кофе». В конце апреля 1942 г. смертность достигла приблизительно 1000 человек в день, но это уже смотрелось оптимистически по сравнению с зимними цифрами, превышающими этот показатель в несколько раз. Из доклада СД об обстановке в Ленинграде весной 1942 г.: «Штаб корпуса Л.А.К. (50-й армейский корпус). Отделение 1-с. Из доклада СД о Ленинграде сообщается следующее: Население. С тех пор как наступила тёплая погода, смертность среди населения Ленинграда значительно уменьшилась. Надежды на то, что весной разразится чума, не осуществились. Кроме случаев заболевания тифом, скорбутом и частичных случаев дизентерии ни о каких других эпидемических заболеваниях не может быть и речи. Отсутствие распространения заразы объясняется по существу высоконапряжённой работой советских учреждений в санитарном отношении. Так, уже к началу мая были вычищены все улицы, уборные, трупы и в большинстве домов функционировал водопровод, конечно, только в нижних этажах. В некоторых городских районах теперь оборудованы общественные бани и населению выдаются талоны для пользования этими банями, причём для каждого жителя установлен определённый банный день...»⁸⁷.

Агитпроп и культура

Ленинградское радио – социально-культурный феномен войны, не знающий аналогов. Ежедневно выходя в эфир, ведя репортажи с линии фронта, выпуская детские и юмористические программы, из промёрзших студий транслируя радиоспектакли и концерты, Ленинградское радио помогало горожанам выжить. Помогало оно и находившимся на Ленинградском фронте, о чём свидетельствуют многочисленные письма, отправленные с передовой. Вот одно из наиболее типичных: «Разрешите вам, работникам вещания Ленинградского радиокомитета, передать наш боевой привет и от души поблагодарить за ваши чудесные передачи. Часто слушая их, мы ощущаем неизмеримую их помощь в нашей трудной фронтовой жизни»⁸⁸.

«Ленинградское утро начинается рано. В пять часов утра, – вспоминал известный филолог, во время войны – редактор радио, Г.П. Макогоненко. – На улицах и площадях проснувшегося города... заговорило

радио. Передаётся первый выпуск «Последних известий». У репродуктора сразу же образуются толпы. Торопящиеся люди останавливаются на несколько минут, чтобы прослушать вести с ленинградского фронта. Это тоже дело: важное, непременно входящее в распорядок дня каждого ленинградца»⁸⁹. Когда из-за артобстрелов или недостатка электроэнергии радио замолкало, в радиокомитет шли письма: «Радио пусть говорит, без него страшно, без него как в могиле»⁹⁰.

Ставшая символом блокадного радио, О.Ф. Берггольц вспоминала: «Ежедневно, в разные часы, чтоб не так уж мог забивать немец... Ленинград стал говорить со страной голосами своих защитников – рабочих, бойцов, партийных работников, матросов, поэтов, композиторов, учёных. Москва принимала нас и транслировала по всему Советскому Союзу, и народ наш знал: вот и сегодня Ленинград не сдался, вот и сегодня он ещё держится. – Вспомните, что это было в дни отчаянного положения, когда немцы шли вперёд неудержимо, когда ежедневно нашим армиям приходилось оставлять город за городом...

И вдруг Ленинград остановил немцев! Ленинград держался, Ленинград живыми голосами клялся, что не сдастся ни сегодня, ни завтра – никогда! Стоит. Дерётся. Полон сил, уверенности, гнева и деловитости. Эти передачи проводились, несмотря ни на какую обстановку внутри города, – был ли обстрел, была ли бомбёжка, было ли то и другое вместе. Передачи происходили ежедневно и начинались словами: “Слушай нас, родная страна! Говорит Ленинград”»⁹¹. Отдельным, весьма важным в политико-пропагандистском смысле направлением деятельности радиокомитета было вещание на «на ту сторону фронта» – в немецкие окопы и на оккупированную территорию, велось оно на немецком, финском и эстонском языках⁹².

В жёсткие дни первой блокадной зимы не замерла до конца и театральная жизнь. В осаждённом Ленинграде продолжал работать Театр музыкальной комедии, который, после того как в декабре 1941 г. его помещение было повреждено разорвавшимся снарядом, стал давать свои спектакли в помещении Академического театра драмы им. А.С. Пушкина. Усилиями немногочисленных работников редакций и типографий удавалось обеспечить выход центральных и ленинградских газет даже в самые тяжёлые дни зимы 1941/42 г. Только однажды – 25 января 1942 г. – газета «Ленинградская правда» не вышла. Номер уже был набран и свёрстан, но его нельзя было отпечатать – в этот день в городе не было электричества. Из-за отсутствия транспорта в суровые зимние дни 1941/42 г. истощённые рабочие типографии «Правда» впрягались в саночки и доставляли на них матрицы с аэродрома. В помещениях типографии температура доходила до 10–15 градусов ниже нуля, руки примерзали к металлу, но «Правда» продолжала выходить⁹³. С декабря 1941 г. «Ленинградская правда» стала выходить всего на двух полосах.

Агитпроп в Ленинграде работал чётко. Получивший билет на политические лекции обязан был посещать их. Неявка грозила арестом. Талончик из грубой бумаги: «Ленинградский дом Красной армии. Билет для входа на лекцию “Краткий курс истории ВКП(б) вооружает нас для победы в Великой Отечественной войне”. 14 августа 1942 года». А вот билеты на лекции «“Военный гений Ленина”. 27 июля 1943 года» и «“Товарищ Сталин о ходе Великой Отечественной войны”. 06 августа 43»⁹⁴. Беседы и доклады на актуальные политические темы, читки газет, выпуски «Боевых листков» и другие мероприятия по обеспечению достойного «политико-морального состояния», обеспечение подписки горожан на военный заём 1942 г., сбор денег в Фонд обороны страны – все эти мероприятия в Ленинграде не прерывались⁹⁵.

Из доклада СД об обстановке в Ленинграде весной 1942 г.: «Штаб корпуса Л.А.К. (50-й армейский корпус). Отделение 1-ц. В докладе СД о Ленинграде сообщается следующее: Настроение и пропаганда. В газетной пропаганде говорится как раньше, так и теперь о больших потерях немецких войск, прославляется деятельность партизан и объявляется о вступлении в бой новых войск с наступлением тёплого времени, которые подготовлены в большом количестве зимой. “Ленинградская правда” от 1.5.42 г. (спецвыпуск) помещает статью под заголовком “Ленинград встречает 1 мая”, в которой речь идёт о том, что на улицах города наблюдается оживлённое движение, фабрики и заводы соревнуются в боевой производительности труда, чтобы как можно больше изготовить продукции для фронта....

Советская пропаганда утверждает, что Англия и Америка поставляют большое количество материалов Советскому Союзу, а в дальнейшем обрывается во Франции Второй фронт против Германии. Осенью Красная армия была технически вооружена, безусловно, слабее, чем немецкая. Сегодня, напротив, обе армии технически одинаково сильны и к тому же Красная армия в отношении людских резервов имеет огромные преимущества. Большевицкая пропаганда апеллирует к национальному чувству русского народа. В первый раз с момента революции 1917 года начинают снова говорить в пропагандистских речах о “Советской России”»⁹⁶.

Антифашистская пропаганда закономерно была ключевой задачей агитпропа. Издательство «Искусство» за первые месяцы войны выпустило 250 наименований военных и антифашистских плакатов, лозунгов, лубков и открыток общим тиражом 320 тыс. экземпляров, а созданное в Ленинградском отделении Союза писателей бюро оборонной печати с июня по декабрь 1941 г. одобрило к выпуску около 300 антифашистских произведений. Театры города ставили пьесы соответствующего – оптимистического, победного содержания. Они действительно поддерживали дух горожан. Несмотря на тяжелейшие условия блокады в 1941 г. вышли в свет книги и

статьи известных ленинградских учёных, посвящённые победоносным сражениям в разные эпохи отечественной истории. Среди них – «Отечественная война 1812 года и разгром империи Наполеона» Е.В. Тарле, «Ледовое побоище» Б.М. Козакова, Ш.М. Левина и А.В. Предтеченского, «Великое народное ополчение» Б.В. Данилевского и многие др.

«Научная работа очень облегчила нам тяжёлую жизнь. Те, у кого день был занят работой, легче переносили голод. Чувство голода со временем переходило в физическое недомогание.., оно легче переносилось на работе. Мои научные статьи, написанные в Ленинграде зимой 1941/1942 года, удовлетворяют меня более, чем некоторые из выполненных в мирной обстановке. И это понятно: в ту зиму можно было или не писать, или писать с большим подъёмом, среднее исключалось вовсе»⁹⁷, – вспоминал научный сотрудник Эрмитажа, впоследствии директор музея Б.Б. Пиотровский. В Эрмитаже, под руководством директора академика И.А. Орбели, в октябре 1941 г. состоялась научная конференция, посвящённая 800-летию великого азербайджанского поэта Низами, а 10 декабря – научная конференция к 500-летию со дня рождения Навои. (Тогда же в Эрмитаже состоялась и выставка – фарфоровые бокал и коробочка, расписанные эрмитажным художником М.Н. Мохом на темы произведений великого узбекского поэта; для обжига этих изделий в муфельной печи электричество обесточенному музею дал корабль «Полярная звезда», пришвартованный близ Зимнего дворца.) А ленинградский Музей Революции (ныне Музей политической истории России) уже зимой 1942 г. стал собирать экспонаты для экспозиции «Оборона и блокада»⁹⁸.

Среди собранных материалов были заявления ленинградцев о вступлении в РККА и в ряды народного ополчения (в том числе цитировавшиеся в этой статье), листовки с обращениями партийного руководства и даже – расходные ордера Управления по учёту и выдаче продуктовых карточек 1942–1944 гг.⁹⁹ В первые дни войны в максимально короткие сроки были созданы и открыты выставки «Великое прошлое русского народа» и «Оборона Петрограда в 1919 г.». Осенью Музей Революции перешёл к подготовке выездных фотовыставок – за первые полгода войны было изготовлено 147 выставок по темам: «Великая Отечественная война и 24-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции», «Как русский народ бил и бьёт немецких захватчиков», «Великая Отечественная война в борьбе советского народа в борьбе против немецко-фашистских захватчиков»¹⁰⁰ и др.

Характеризуя общественно-политическую обстановку в Ленинграде в 1941–1942 гг., нельзя не отметить принципиальное обстоятельство: ещё находясь в смертельном вражеском кольце, горожане задумывались о сохранении уникального архитектурного наследия. Одним из решений руководства Ленинграда, воспринятых с неподдельным энтузиазмом,

было распоряжение исполкома Ленгорсовета «О составлении плана I очереди восстановления городского хозяйства города Ленинграда», вышедшее 7 января 1941 г. 20 января было принято решение «Об обеспечении проектами и сметами восстановительных работ в гор. Ленинграде»¹⁰¹. Восстановительные работы начали с повреждённых или разрушенных зданий – архитектурных памятников в историческом центре. Другой формой подготовки к восстановлению города стало проведение архитектурных конкурсов. Первый из них также состоялся в 1942 г. и был посвящён составлению эскизных проектов восстановления художественно-исторических зданий-памятников и ансамблей Ленинграда, пострадавших от бомбёжек и обстрелов¹⁰².

Уже после первой блокадной зимы партийное руководство города пыталось направить в «нужное» русло коллективную память ленинградцев. Решено было сделать фильм о блокаде. На всех этапах работы над фильмом – от написания сценария до выпуска его на экран – шла непрерывная работа по изъятию слоя за слоем фрагментов, свидетельствовавших о глубине ленинградской трагедии и проявившейся при этом слабости власти. В обсуждении подготовленной к показу документальной картины «Оборона Ленинграда» в студии кинохроники приняло участие всё руководство города. Общее мнение выразил председатель горисполкома П.С. Попков: «Насчёт покойников. Куда их везут? Причём их очень много показано. Впечатление удручающее... Я считаю, что много не нужно показывать – зачем вереница?.. Или, скажем, идёт человек и качается. Неизвестно, почему он качается, может быть, он пьян. Это сгущает краски, создаёт тяжёлое впечатление»¹⁰³. Его дополнил второй секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), во время Великой Отечественной войны член военных советов Балтийского флота, Северного и Ленинградского фронтов А.Е. Кузнецов, чётко назвавший истинную причину запрета выхода картины: «Получается чересчур много трудностей. Разваленный город, разбомблённый, захламлённый, кругом пожары, всё покрыто льдом, люди едва движутся, а борьбы не показано. Разве это оборона. Вот, скажут, правители, довели город до такого состояния. Направление взято неправильно»¹⁰⁴. Итог подвёл А.А. Жданов: «Картина не удовлетворяет». Фильм в существенно «перекроенном» и «вычищенном виде», со значительно переписанным сценарием вышел на экраны только в июле 1942 г. За первые одиннадцать дней после выхода его посмотрело 115 300 человек. «По мнению некоторых зрителей, – отмечалось в информационной сводке на имя Жданова, Кузнецова и др., – фильм всё же недостаточно показал подлинную жизнь в осаждённом городе: почерневших от копоти и грязи людей, дистрофиков, людей, умирающих на панелях, трупы, лежащие на улицах и т. п... Хотят видеть закопчённые квартиры с печками-вре-

мянками и умершими людьми, людей, закутанных в ватные одеяла, выстраивающихся с 2 часов утра в очередях у магазинов»¹⁰⁵.

Запрещено было говорить всю правду о реальном положении дел в городе, включая голод, во «избежание упадочнических, пораженческих настроений» и в программах знаменитого Ленинградского радио, вещание которого велось на всю страну. (Часть «отфильтрованных», специально подготовленных программ передавалось и за рубеж.)

Вывезенная на несколько недель в состоянии дистрофии из Ленинграда в Москву О.Ф. Берггольц испытала шок: «О Ленинграде всё скрывалось, о нём не знали правды так же, как о ежовской тюрьме. Я рассказываю им о нём, как когда-то говорила о тюрьме, – неудержимо, с тупым, посторонним удивлением... Нет, они не позволят мне ни прочесть по радио “Февральский дневник”, ни издать книжки стихов так, как я хочу... Трубя о нашем мужестве, они скрывают от народа правду о нас. Мы изолированы, мы выступаем в ролях “героев” фильма “Светлый путь”»¹⁰⁶. Количество жертв и то, что происходило в Ленинграде в период блокады, действительно тщательно скрывалось от советской и международной общественности. О трагедии Ленинграда не было ни слова сказано ни в нотах наркома иностранных дел В.М. Молотова, адресованных в 1941–1942 гг. прежде всего народам стран-союзниц по антигитлеровской коалиции для мобилизации там общественного мнения для активной борьбы с фашизмом. В первой ноте говорилось о зверствах немцев в отношении гражданского населения – речь шла об освобождённых Красной армией районах после успешного контрнаступления под Москвой и о городах, находящихся под оккупацией – Минске, Киеве, Харькове, Новгороде. И – ни слова о северной столице¹⁰⁷.

Характерно, что ленинградская тематика в материалах Нюрнбергского трибунала занимала большое место в «общем потоке» и крайне незначительное – как отдельная тема. «Есть документ под номером СССР-85, подготовленный Ленинградской городской комиссией по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, представленный в Нюрнберге. М.Ю. Рагинский (помощник главного обвинителя от СССР. – Ю.К.), выступивший 22 февраля 1946 г. на заседании, привёл данные о разрушениях, причинённых Ленинграду и его пригородам немецкими войсками, ни разу не упомянув о количестве жертв блокады»¹⁰⁸. Очевидно, эта «фигура умолчания» была следствием боязни признать катастрофические ошибки партийно-государственного и военного руководства предвоенного времени и начала войны. От этой боязни власть не избавилась и после войны, спрятав в спецхраны или уничтожив вовсе многие документальные и художественные произведения о Ленинградской блокаде, совокупность которых могла бы рассказать о трагическом и героическом явлении во всей полноте¹⁰⁹.

Примечания

- 1 Нюрнбергский процесс : Сб. материалов. Т. 1. – М., 1954. – С. 366.
- 2 Богданов И.А. Ленинградская блокада от А до Я. – СПб., 2010. – С. 15.
- 3 Великая Отечественная война : [электрон. ресурс] // <http://www.otvoyna.ru/leningrad.htm>
- 4 Там же.
- 5 Там же.
- 6 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления : В 3 т. Т. 2. – М., 1986. – С. 136.
- 7 Великая Отечественная война: [электрон. ресурс] // <http://www.otvoyna.ru/leningrad.htm>
- 8 Там же.
- 9 Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / Под ред. Н.Л. Волковского. – М.; СПб., 2005. – С. 21–22.
- 10 Там же. – С. 22.
- 11 Великая Отечественная война : [электрон. ресурс] // <http://www.otvoyna.ru/leningrad.htm>
- 12 Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов... – С. 34.
- 13 Великая Отечественная война : [электрон. ресурс] // <http://www.otvoyna.ru/leningrad.htm>
- 14 Ломагин Н.А. Неизвестная блокада : В 2 кн. Кн. 1. – СПб.; М. – 2002 – С. 67.
- 15 Там же.
- 16 План «Д»: План специальных мероприятий, проводимых во время Отечественной войны по общегородским объектам города Ленинграда. – СПб., 2005. – С. 21.
- 17 Богданов И.А. Указ. соч. – С. 19.
- 18 Данилов П.П. Промышленность Ленинграда в годы блокады // Отечественная история 2003. № 3.
- 19 Ломагин Н.А. Указ. соч. Кн. 1. – С. 63.
- 20 Ленинград в осаде : Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. – СПб., 1995. – С. 442.
- 21 Комаров Н.Я., Куманев Г.А. Беспримерный подвиг Ленинграда // Война и общество, 1941–1945 : В 2 кн. Кн. 2. – М., 2004. – С. 31.
- 22 Подробнее об этом см: План «Д»...
- 23 Там же. – С. 21.
- 24 Оборона Ленинграда : 1941–1944 : Воспоминания и дневники участников. – Л., 1968. – С. 566.

- 25 Дзенискевич А.Р., Ковальчук В.М., Соболев Г.Л. и др. Непокорённый Ленинград : Крат. очерк истории города в период Велик. Отеч. войны. – Л., 1985. – С. 60–62.
- 26 900 героических дней : (Сб. докум. и материалов). – М.; Л., 1966. – С. 183.
- 27 Данилов П.П. Указ. соч.
- 28 Дзенискевич А.Р., Ковальчук В.М., Соболев Г.Л. и др. Непокорённый Ленинград... –С. 58.
- 29 История Великой Отечественной войны Советского Союза : 1941–1945: В 6 т. Т. 2. – М., 1961. – С. 147.
- 30 Великая Отечественная война Советского Союза : 1941–1945 : Крат. история. – М., 1967.– С. 100.
- 31 Государственный музей политической истории России (ГМПРИР). Ф. II 30425/1-60.
- 32 Богданов И.А. Указ. соч. – С. 71.
- 33 Христофоров В. «Ни одно государство не расходует так неэкономно людей...» // Время новостей. – 2010. – 22 июня.
- 34 Время новостей 2009. – 27 янв.
- 35 ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 966. Л. 272–273 об. Копия. Машинопись. Перевод с немецкого.
- 36 Данилов П.П. Указ. соч.
- 37 Там же.
- 38 Дзенискевич А.Р., Ковальчук В.М., Соболев Г.Л. и др. Непокорённый Ленинград... – С. 98.
- 39 Бегинин О. Восточный фронт : Битва за Ленинград, блокада города, 1941–42 годы : [электрон. ресурс] // <http://www.weltkrieg.ru/battles/101-----1941-42-.html>
- 40 Г.К. Жуков в битве под Москвой : Сб. документов. – М., 1994. – С. 38.
- 41 Манакон Н.А. В кольце блокады : Хозяйство и быт осаждённого Ленинграда. – Л., 1961. – С. 122–123.
- 42 900 героических дней... – С. 393.
- 43 Там же.
- 44 Дзенискевич А.Р., Ковальчук В.М., Соболев Г.Л. и др. Непокорённый Ленинград... – С. 120.
- 45 Данилов П.П. Указ. соч.
- 46 Там же.
- 47 Там же.
- 48 Новиков В.Н. Накануне и в дни испытаний : [электрон. ресурс] // http://militera.lib.ru/memo/russian/novikov_vn/08.html
- 49 ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 2. Д. 341. Л. 343–347. Копия. Машинопись. Перевод с немецкого.
- 50 Бегинин О. Указ. соч.

- 51 Богданов И.А. Указ. соч. – С. 14.
- 52 Там же. – С. 19.
- 53 Адамович А.М., Гранин Д.А. Блокадная книга Ч. 1 : [электрон. ресурс] // <http://www.antology.sfilatov.ru/work/proizv.php?idpr=0090002>
- 54 Ковальчук В., Рупасов А., Чистиков А. «8 сентября 1941 г.: Формирование исторической памяти // Вторая мировая война как проблема национальной памяти : Материалы междунар. науч. конф. – СПб., 2010. – С. 89.
- 55 Ленинградская правда. – 1941. – 13 сент.
- 56 Ольга. Запретный дневник : (Ольга Берггольц. Дневники, документы, материалы следственного дела.). – СПб., 2010. – С. 62–64.
- 57 Бадаевские склады // Энциклопедия Санкт-Петербурга : [электрон. ресурс] // <http://www.encspb.ru/article.php?kod=2804035079>
- 58 Бегинин О. Указ. соч.
- 59 Там же.
- 60 Там же.
- 61 Московский комсомолец. – 2006. – 13 сент.
- 62 900 героических дней... – С. 178.
- 63 Богданов И.А. Указ. соч. – С. 272.
- 64 Ольга. Запретный дневник... С. 83.
- 65 Там же.
- 66 Там же.
- 67 ГМПР Ф. II 30424/1-9.
- 68 Ломагин Н.А. Указ. соч. Кн. 1. – С. 236.
- 69 Там же. – С. 266.
- 70 Время новостей. – 2010. – 27 янв.
- 71 Богданов И.А. Указ. соч. – С. 271.
- 72 Там же.
- 73 Ленинград в осаде... – С. 421.
- 74 ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 26. Д. 215. Л. 79–82. Копия. Машинопись. Перевод с немецкого.
- 75 Бегинин О. Указ. соч.
- 76 Ленинград в осаде... – С. 339.
- 77 Там же.
- 78 Великая Отечественная война: [электрон. ресурс] // <http://www.otvoyna.ru/leningrad.htm>
- 79 Ольга. Запретный дневник... – С. 82. См. также: Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов.
- 80 Ольга. Запретный дневник... – С. 82.
- 81 Богданов И.А. Указ. соч. – С. 352.
- 82 Бегинин О. Указ. соч.
- 83 Там же.
- 84 Там же.

- 85 Великая Отечественная война : [электрон. ресурс] // [http://www.otvoyna.ru/leningrad. tm](http://www.otvoyna.ru/leningrad.tm)
- 86 Бегинин О. Указ. соч.
- 87 ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 26. Д. 215. Л. 79–82. Копия. Машинопись. Перевод с немецкого.
- 88 ГМП ИР Ф. II 30424/5. Оригинал. Рукопись.
- 89 Васильева Т.В., Ковтун В.Г., Осинский В.Г. Позывные мужества : Опыт Ленинградского блокадного радио. – СПб., 2009. – С. 4.
- 90 Там же.
- 91 Время новостей. – 2010. – 17 мая.
- 92 Васильева Т.В., Ковтун В.Г., Осинский В.Г. Указ. соч. – С. 38–42.
- 93 Бегинин О. Указ. соч.
- 94 ГМП ИР Ф. II 30425/7.
- 95 ГМП ИР Ф. VI Д. № 4171. Ед. хр. 1. Воспоминания С.Д. Павловой. Оригинал. Рукопись.
- 96 ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 26. Д. 215. Л. 79–82. Копия. Машинопись. Перевод с немецкого.
- 97 Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. – СПб., 1995. – С. 196.
- 98 ГМП ИР Ф. VI Д. № 4171. Ед. хр. 1. Воспоминания С.Д. Павловой. Оригинал. Рукопись.
- 99 ГМП ИР Ф. II 52673/1-12.
- 100 Научный архив (НА) ГМП ИР Д. 110. Л. 3.
- 101 Архитекторы блокадного Ленинграда / Авт.-сост. Ю.Ю. Бахарева, Т.В. Ковалева, Т.Г. Шишкина. – СПб., 2005. – С. 15.
- 102 Там же. – С.16.
- 103 Ломагин Н.А. Указ соч. Кн. 1. – С. 163.
- 104 Там же. – С. 164.
- 105 Там же. – С. 168.
- 106 Ольга. Запретный дневник... – С. 378.
- 107 Ломагин Н.А. В тисках голода : Блокада Ленинграда в документах германских спец-служб и НКВД. – СПб., 2001. – С. 273.
- 108 Там же.
- 109 Об уничтожении документов и материалов о блокаде см: Судьбы людей : «Ленинградское дело» / Сост.: А. П. Смирнов. – СПб., 2009: ГМП ИР: 90 лет в пространстве истории и политики : [Материалы юбил. науч.-практич. конф.]. – СПб., 2010; Официальный портал Администрации Санкт-Петербурга [электрон. ресурс] [http://www.gov.spb.ru/culture/spb/museums/blokade \](http://www.gov.spb.ru/culture/spb/museums/blokade)